

ния адмирала флоренского. Рано поутру, на 1-м часу, во дворец к российскому матрозу приехал адмирал и дожидался, как встанет. И как встал оной российской матрос Василей, тогда оной адмирал вошел в полаты и поклонился, яко своему государю, и рече: „Милостивой государь || наш, Василей Иванович, прошу вчерашней моей рабской л. 27 прозбы не оставить“. Тогда российский матрос рече: „Истинно буду и с королевною“. И тот адмирал отдал поклон и поехал с радостью, и приехавши на корабль и нача прибираться с принадлежащим документом, что надобно, и готовить что [для] прибывших гостей. И российский матрос Василей, собравшись со всем дворцом и множеством с ним цесарских министров и генералов и пажей и лакеев, яко всех в прибранстве собралось всякого чина с ним до 2000 человек, и поехал славно на пристань к адмиралу и с прекрасною кралевною Ираклиею флоренской, и с нею, королевною, цесарских дам знатных персон и флерен девиц до 70 лиц. И приехал к нему, адмиралу, словно, которым встреча от него, адмирала флоренского, была вельми изрядно и приятно.

Адмирал флоренский принял честно и в корабль убранной всех забрал и нача прохладатца и питием довольствоваться, и тако уподчевал, что от великого пития все измождаху. Потом адмирал отдал приказ, чтоб парусы || подняв и бежать от цесаря. И оныя, подняв парусы л. 21 об. и отчаливши от берега, и на ту пору воста погода им, флоренска, в пособу, яко единым часом отбежаша от Цесарии до 100 поприщ. А он, адмирал, в корабле с ними для их пагубы прохладящеся, и как отбежав означенное число поприщ, приказал адмирал всех пьяных метать в море. И начаша метать, яко не одинаго оставиша, един российский матрос Василей остался с прекрасною кралевною, и видя такое несчастье, стал адмиралу говорить: „Господин адмирал, неизрядно шутку зашутил и веселие показал, хотя ты на всех изгубил и света лишил, а себе смерти доспел“. Тогда адмирал не яко своему государю раболепно честь воздавше, рыкнув, яко зверь лютый лев, гласом: „Злый сопостат, неприятный и презлы разбойник, яко ты разбойник, бывый разбойник и разбивая по морю карабли и нашу государыню королеву от нас увезе шпионски и хочешь нам быть государем, злой и неприродной человек“. И взя ево за волосы, нача влачити и бить смертельно и бросил за двери к матросам и велел ево бросить в море, а сам остался у королевы || и видя ее упадшу долу от страха. И он ее л. 22 подня, и взя обнаженной мечь, и стал над нею и рече немилостивно: „Государыня королева, живот ли тебе или смерть?“. И королева от страха не может глаголати. Он же, адмирал рече: „Даждь ми ты, королева, такое слово с клятвою от себя, что я сие творил, отцу своему, матере и протчим сего не поведати, а токмо сказать, что взята неприятельскими людьми и продана в Цесарею и как я, адмирал, был в Цесареи и просил у цесаря с честью, токмо цесарь не отдал, а взял з бою. И оное все сказать на мою пользу, а ежели сего не скажете и присланной мне должности мне сейчас не отдать, то сей же час мертву ты учиню. Что, королева, со мною не говоришь, или думаешь, что зло сотворить мне?“. Тогда королева от страху рече адмиралу: „Государь мой, не дай мне, бедной, безвременно умереть, и так я от прежней своей страсти живот свой насадила. Не могу в чюство свое истинное приитить. Вижу свое над собою несчастье, и чего мне миновать не можна. Буди по твоей воли, государя моего, что соизволишь, так и твори“. || Тогда адмирал рече: „Токмо ты, королева, мне дай л. 22 об. верное слово присяжное обо всем не сказывать об моей сей поступке“.